

Чего нельзя делать с экономикой

18 АВГУСТА, 11:39 // Евсей Гурвич

руководитель Экономической экспертной группы

// hse.ru

Есть только один способ избежать кризиса – годами проводить сбалансированную политику. Правильное поведение в первой половине 2000-х годов защитило Россию от текущего международного кризиса, но сейчас нужно уже думать, как не допустить следующего.

Десять лет назад, 17 августа 1998 года, правительство России объявило об отказе от выплаты внутренних долгов и девальвации рубля. «Газета.Ru-Комментарии» продолжает публикацию экспертных статей об истоках и уроках дефолта и о том, как августовский кризис повлиял на дальнейшее экономическое и политическое развитие страны.

Продолжающийся ровно год международный финансовый кризис, исходно зародившийся в США на рынке нестандартных (sub-prime) ипотечных кредитов, стал первой после дефолта серьезной проверкой нашей экономики на прочность. Результаты таких испытаний позволяют объективно судить, извлекли ли мы уроки из своего кризиса десятилетней давности, подошли ли к новой встряске более защищенными.

Но сначала стоит еще раз вернуться к событиям 1998 года и посмотреть на источники и составные части дефолта, обратившись затем к его последствиям.

Нашу макроэкономическую политику в предкризисные годы можно включать в учебники как пример того, чего нельзя делать ни в коем случае.

Прежде всего, она страдала отсутствием сбалансированности. Консолидированный и федеральный бюджеты хронически исполнялись с огромным дефицитом, а «дыра» в бюджете покрывалась краткосрочными займами на рынке ГКО. Это делало правительство полностью зависимым от инвесторов (российских и зарубежных банков): без их участия было невозможно не только профинансировать новые расходы, но даже расплатиться по прежним долгам. В середине 1998 года требуемое ежемесячное погашение ГКО превосходило суммарные доходы бюджета (!). Обменный курс рубля был завышен, а золотовалютные резервы составляли \$15–20 млрд (сейчас они ежемесячно прирастают на такую величину). Таким образом, налицо были условия одновременно для бюджетного и валютного кризиса. Скорее всего, кризис рано или поздно произошел бы в любом случае. Даже будь у правительства время провести финансовое оздоровление, оно в тот период не демонстрировало политической воли хоть что-то для этого сделать.

К тому же, осенью 1997 года выяснилось, что времени у правительства нет. После того как многие страны Юго-Восточной Азии охватил кризис, резко упали цены на нефть и прочее сырье. И здесь проявилась еще одна слабость нашей политики – недостаточная ее гибкость, неготовность адекватно реагировать на изменение внешних условий.

Негативные последствия кризиса можно было минимизировать, проведя в начале 1998 года девальвацию рубля. Отказ от нее сделал кризис неизбежным.

Неожиданным и для экономистов, и для правительства оказалось то, что кризис буквально живительно подействовал на нашу экономику. Гораздо чаще подобные кризисы надолго останавливают развитие экономики. В России же производство начало расти уже через два месяца после дефолта. Более того, стала сама собой, без всяких усилий, разрешаться казавшаяся вечной проблема бартера и неплатежей (за которую нам присвоили не очень почетное звание «виртуальная экономика»). Здесь все произошло по поговорке «не было бы счастья, да несчастье помогло».

Впрочем, для многих наших граждан дефолт стал серьезным несчастьем.

Именно население понесло самые тяжелые потери: за два года инфляция на треть обесценила зарплату, более чем на 40% – пенсии, в целом реальная величина доходов снизилась более чем на четверть.

У многих сбережения обесценились или пропали в таких банках, как «СБС-Агро». Последующий динамичный рост экономики позволил многократно перекрыть докризисный уровень жизни (реальная, т. е. скорректированная на инфляцию, величина зарплаты сегодня почти втрое выше докризисной, пенсии и доходы в реальном выражении выросли более чем вдвое). Однако полученная общественным сознанием травма до сих пор не изжита – это видно по устойчивым слухам о близости «деноминации» или еще какого-то неведомого несчастья. Сохранившееся со времен травматического для людей дефолта глубокое недоверие и к финансовым институтам, и к государству остается одной из серьезных препятствий для развития.

Невозможно построить эффективную экономику, если население страны живет в напряженном ожидании нового кризиса.

Послекризисная политика властей может уже служить образцом того, как правильно извлекать уроки из прошлых ошибок. Бюджетные расходы были быстро приведены в соответствие с доходами, при планировании всегда готовился план действий не только для наиболее вероятного, но и для «плохого» сценария, на «черный день» был создан Резервный фонд. Результатом стал не только многолетний рост экономики, но и ее защищенность от новых кризисов. Россия, в отличие от многих других стран (таких, как, например, достаточно успешно развивавшийся Казахстан), оказалась практически не затронута нынешним международным финансовым кризисом. Нельзя, однако, считать, что накопленные нефтедоллары в Резервном фонде и золотовалютные резервы на десятилетия вперед гарантируют нам безопасность. Как это обычно бывает, по мере того как кризис становится далеким прошлым, готовность учитывать его уроки ослабевает.

Хорошим напоминанием о том, что в экономической политике по-прежнему нельзя «расслабляться», стал продолжающийся международный кризис. Однако этот сигнал мы не услышали, во многом стали вести себя даже менее осторожно, что серьезно отразилось на состоянии фондового рынка.

Другим признаком снижения качества макроэкономической политики стал взлет инфляции (лишь в небольшой мере объясняемый внешними факторами).

Следует понимать, что с кризисом трудно, почти невозможно справиться, когда он уже начался. Есть только один способ обезопасить себя от кризисов – годами проводить здоровую, сбалансированную политику. Правильное поведение в первой половине 2000-х годов сделало нас

защищенными от текущего международного кризиса, но сейчас нужно уже думать, как не допустить следующего.

Какие же опасности могут грозить нам в будущем? Их источник, прежде всего, в несбалансированном росте экономики: импорт увеличивается в несколько раз быстрее, чем физический объем экспорта. Пока это маскируется уникальным повышением цен на нефть, но когда оно прекратится, у нас за 2–3 года образуется дефицит внешнего баланса. Это не обязательно будет иметь немедленные фатальные последствия, но мы вновь попадем в зависимость от внешних инвесторов. Учитывая, как мы с ними обходимся, такая зависимость достаточно опасна. Следствием той же проблемы стал быстрый рост в последние годы внешнего долга банков и нефинансовых компаний. Пока он остается умеренным, но темпы роста внушают тревогу. «Лидерство» в наращивании внешних заимствований принадлежит госкомпаниям. Это вдвойне тревожно, поскольку возникают опасения, что бремя долга окажется переложено на государство (хотя формально оно не несет ответственности за долги компаний с государственным участием).

Для того чтобы предотвратить будущие проблемы, необходимо «остудить» экономику – притормозить чрезмерно быстрый рост спроса. Для этого есть два рычага: ограничение бюджетных расходов и ограничение кредитования, отход от политики чрезмерно «дешевых» денег.

Правительство и Банк России уже начали принимать меры, которые смягчат проблему. Последовательно проводить ограничительную политику нелегко, она не может быть популярной. Однако у нас перед глазами свежий пример: кризис на американском рынке ипотечных кредитов, по оценкам, уже обернулся для мировой экономики потерями порядка \$700 млрд в год. А начинался он с политики «дешевых денег» в начале 2000-х годов. Нужно не забывать, что «дешевые деньги» действуют, как наркотик: сначала вызывают эйфорическую легкость, а потом подрывают здоровье. США потребовалось 5–6 лет, чтобы пройти этот путь. Мы вступили на него примерно 2 года назад. Время еще есть, но нужно действовать, чтобы не пострадать от следующего кризиса.